

Вид принца, одетого в легкий доспех и вооруженного одновременно мечом и булавой, заставлял многих собравшихся в караване удивленно поднимать брови. Джоффри на то не обращал внимания; он чувствовал себя полностью обнаженным каждый раз, как даже просто задумывался о выходе наружу без брони и чего-то тяжелого для ломания черепов.

Он молчаливо тренировался в одиночестве, в ранние часы перед рассветом, используя булаву и одноручный меч, чтобы вновь вернуть в обиход правую руку. К сожалению, его движения, приглушенные возгласы и случайные проклятия обычно собирали небольшой круг желающих взглянуть на это дневное (или скорее ночное?) зрелище.

Даже когда он попытался сменить место тренировки поближе к палатке, то все равно привлекал внимание нескольких красных плащей и штормовиков.

За одним постепенно пошло другое...

— Держи верхнюю стойку! Нет! Подними выше, черт! — воскликнул он, пригнувшись под турнирным мечом и бросился вплотную к часовому из штормовых земель, где длинный меч терял свое преимущество за счет длины, и несильно ударил того по шлему своей булавой.

— Засчитано! — крикнул он, когда стражник отшатнулся, держась за голову от неожиданного удара. Воин быстро сел на землю посреди десятка других солдат, что так же имели на себе разнообразие синяков и мелких порезов.

Ну, это же их вина, на самом деле. Взгляды солдат заставляли его чувствовать себя неудобно, так будто они увидели, как солнце утром поднимается на западе... Это было просто неестественно, и теперь они сидят перед ним, внимательно слушая, на небольшой площадке...

— Вы просто недостаточно агрессивно бьётесь! Вы не можете рассчитывать на то, что противник допустит ошибку из-за усталости! Научитесь убирать его со своего пути как можно быстрее и двигаться дальше к следующему врагу, — добавил он, повернулся обратно и продемонстрировал движения на деревянном манекене, собранном из метел и ведер, на котором он оттачивал удары, еще до того, как получил эту необычную аудиторию.

Он сделал ложный выпад и два раза уклонился от воображаемых ударов (ударов, которые в воображении Джоффри всегда ассоциировались с неистовым визгом вихтов), прежде чем приблизиться с обратным парированием и ударить молотом по «голове» мишени. Деревянное ведро взорвалось шепками во все стороны, а манекен завалился на спину, а Джоффри перепрыгнул через манекен и повторил мощный удар, превращая всю верхнюю часть манекена в груды обломков, когда ещё дополнительно с полдюжины раз ударил по противнику с рычанием.

Он отшатнулся назад, тяжело дыша, а тело приятно как будто горело изнутри, легкие не справлялись с непривычным истощением. Джоффри посмотрел в небо, словно желая расправить грудь пошире, чтобы вдохнуть побольше благословенного теплого воздуха, пока легионеры утопали в собственной крови и крылатые вихты поднимали вверх несчастных солдат, которым не посчастливилось отбиться от формации; злое гудение песчаной бури, которая приближалась, поглощало все остальные звуки, и он снова вдыхал полной грудью,

теплый воздух приносил с собой самое приятное ощущение, что он когда-либо испытывал...

— ...Мой принц? — произнес кто-то позади него. Джоффри крутанулся на месте, останавливая меч возле чьей-то шеи и поднимая вверх булаву, уже готовый к синхронному ломанию и отрубанию головы, но в последний момент остановился, осознавая, что шея принадлежала живому человеку, а не вихту.

— Никогда не подходи так из-за спины, никогда, понял? — спросил он беднягу - красного плаща с дикими глазами, однако без всякого следа угрозы в голосе. Это было хорошим предупреждением, ведь Джоффри не был уверен, что не убьет следующего человека в такой же ситуации. Даже сейчас, в глубинах разума, чей-то голос громко кричал, требуя дважды ударить, чтобы отделить голову от тела.

Принц опустил свое оружие вниз; тот голос, возможно инстинкт, быстро потерял громкость и исчез бесследно.

— Д-д-да, мой принц, — пролепетал солдат и медленно отошел назад.

— Что случилось? — спросил Джоффри.

— Н-е, я имею в виду, вы казалось... отвлеклись лишь на минутку, ваша милость, — ответил тот, и несколько других зрителей утвердительно кивнули, сохраняя нейтральные выражения лиц.

— А-а... Видимо, я немножко увлекся, не так ли? — спросил он риторически, а затем вернулся, поднимая манекен. Куча древесины выглядела так, будто уже не могла выдержать собственный вес...

— Ну, так что всегда проверяйте, враг действительно мертв, поняли? — произнес он тоном, что обычно вызывало смех посреди его легионеров, но вместо хохота все присутствующие серьезно кивнули.

Из-за приобретенного уважения, или из-за страха королевского наказания... он не был уверен.

— Уже почти светает... нам лучше сейчас пойти умыться, — сказал он и начал собирать куски древесины, которые будут дровами. Остальных солдаты словно замерли от этого зрелища, но когда Джоффри закончил наполнение первой тележки дровами, то они все двинулись вперед, чтобы помочь. Вскоре все оружие, доспехи и мишени рассовали куда следует, и он использовал тот короткий момент хаоса, чтобы ускользнуть от них к лагерю.

Солнце уже начало подниматься над заспанным лагерем, когда Джоффри прошел мимо ночных стражников, хмыкнув в знак приветствия.

Красные плащи слегка поклонились в ответ. Ему каким-то образом удалось убедить Сандора просто ложиться спать, пока он будет тренироваться. Всё равно Джоффри находился внутри лагеря... ну, почти всегда. Это было не так сложно, как казалось, Сандор просто утвердительно кивнул, прежде чем пристально вглядываться в его лицо в течение десятка секунд... всё это как-то странно выглядело.

На самом деле весь караван словно пытался держаться немного подальше от него, так что Джоффри потратил немало времени на размышления, пытаясь понять, что он делает не так.

Возможно это все из-за доспеха, — думал он печально, ослабляя ремни нагрудника, позволяя тому упасть на землю вблизи ленивых вод Зеленого Зуба.

Он думал, что старый Джоффри вряд ли бы таскал на себе эту штуку на протяжении всего пути от Королевской Гавани до Винтерфелла...

Или все-таки таскал бы?

Возможно я тогда носил легкую кожаную броню... а может только ужасно непрактичные роскошные одеяния. — Он не мог вспомнить.

Я же точно имел при себе меч, даже дал ему имя... какое-то дурацкое, словно Мамина Вуаль или Золотой Коготь... А может то был меч из валирийской стали, который они перековали из Льда Старка?

Это все сводило с ума, словно он находился посреди невероятно огромной браавоской театральной постановки, где все актеры помнили свои роли, кроме него.

Джоффри отбросил навязчивые мысли, карабкаясь на верхушку большой скалы, оттуда он осматривал медленное течение Зеленого Зуба, прежде чем спрыгнуть с края, сгруппировался перед погружением в одно из самых глубоких мест. Он погрузился в воду; она смыла прочь грязь и пот, заставляя его чувствовать себя немного обновленным.

Юноша бесстрашно поплыл против течения, выпрыгивая из воды вверх во время гребков, словно полностью расслабившись посреди реки.

Вскоре он вылез на берег, тяжело дыша; восточное солнце ослепляло глаза, когда юноша откинулся на песок, наслаждаясь утренними лучами и позволяя воде стекать по телу и малом куске ткани на поясе.

Тепло и покой... как мало мы ценим такие ежедневные вещи... — думал он с закрытыми глазами, нежась под солнечными лучами.

— Ты же на самом деле не он, разве нет? — приглушенно прошептал голосок сбоку. Джоффри почти подпрыгнул, но смог сдержаться после быстрого поворота головы. Там, между несколькими кустами, стояла Мирцелла, на удивление — без привычной септы рядом.

— Мирцелла? Что ты имела в виду, спрашивая подобное? — спросил он в ответ и начал одеваться, не забывая свой доспех.

— Ты двигаешься иначе, ты говоришь иначе... ты думаешь иначе, — нерешительно добавила она.

Ты издеваешься над нами иначе, ты забыла добавить... — невесело подумал он, сев на небольшой поляне и раздумывая, как лучше выйти из этой ситуации.

— Устами ребенка глаголет мудрость, хех... — пробормотал он, покачивая головой.

— Ты безликий? — спросила Мирцелла, подходя ближе, словно какая-то новая порция доверия появилась в ней, когда Джоффри не стал оспаривать ее утверждение.

Хм, это многое говорит о моей изначальной личности, если она комфортнее чувствует себя в присутствии предполагаемого Безликого убийцы, чем со своим настоящим братом...

— Почему ты так подумала? — спросил он с искренним интересом.

— Такое говорил один слуга, прежде чем матушка отослала его прочь, — ответила она, остановившись в нескольких шагах от него, кажется точно убежденной, что он был кем-то другим, не старым Джоффри.

Надеюсь, того беднягу не сгноили в темнице или не прирезали по приказу матушки на улице...

Он засмеялся и откинулся на спину, решив насладиться солнечной ванной, вот еще минуту, и плевать на все остальное.

Что же я должен делать дальше, напугать её ещё сильнее?

— Это уже по крайней мере третий раз как меня путают с безликим... — произнес он с довольной улыбкой.

— ...Кто еще? — спросила она, с любопытством в голосе. Принцесса подошла еще на шаг, и казалось, немного подумала, прежде чем сесть ближе к Джоффри.

— Во-первых, дядя Тирион. Он никогда мне не говорил, но это очевидно по тому, как он вычистил королевскую библиотеку от книг, где упоминался Черно-Белый Дом... то место, где Безликие тренируются, — добавил он, заметив смущенное выражение лица Мирцелла.

— Другим был Бенерро, верховный жрец церкви Р'глора в Волантисе... он был настолько убежденным, что я ненастоящий, что запихнул голову в воспаленную жаровню... вот было зрелище... — добавил он со смехом.

— Что?! — воскликнула Мирцелла.

— Это правда! Слепая вера делает такое с людьми, — сказал он, снова смеясь.

Ага, глупые шутки, вот и возвращается дух Ланистеров!

Мирцелла на мгновение засмеялась, прежде чем осознала суть:

— Но... ты же никогда... — она замолчала в смущении.

— Я не тот Джоффри, которого ты знала, Мирцелла. Я и до сих пор Джоффри, но... это... Это было так давно... — сказал он, слова внезапно будто сами вылетали из его рта, пока он быстро моргал.

Что я делаю, черт побери?! Возьми себя в руки, солдат!

Но он не смог, зато внезапно осознал, что не может сомкнуть рот.

— Я видел вещи, Мирцелла... Я видел великих полководцев, управлявших десятками тысяч солдат, колдунов с силами, лежащими за пределами понимания простых людей, я видел природные чудеса такой красоты, что аж плакать хотелось от счастья, и плоды человеческого труда, такие древние, что аж дух захватывает... магию и искусство, открытия и изобретения нашей расы, и тех, кто жил до нас... я видел жестокость и доброту людей во всем их величии, во всей их низости... Я видел такие вещи, Мирцелла... вещи, которые никогда нельзя видеть ни одному смертному... чудовищ изо льда и снега и потусторонней магии, что намерены уничтожить все, что дышит на свете... артефакты из древних легенд, из времен за пределами нашего воображения, изделия таких форм и концепций, что кажутся более реальными, чем ты или я... — говорил он, почти задыхаясь в конце, когда закончился воздух, и слова и дальше лились потоком изо рта.

— Вещи, которые я видел, Мирцелла... — он прошептал почти самому себе, закрыв глаза и разглядывая тысячу и одно воспоминание,

— Джоффри, которого ты знала, умер давно, очень давно, Мирцелла... — продолжил он, медленно моргая, когда поток воспоминаний наконец остановился. Он посмотрел на нее почти нехотя, против своего желания.

Ее словно полностью ошеломило осознание того, что он сказал, хоть и было ей не больше десяти лет. Она выглядела шокированной, возможно от этой внезапной исповеди, и где-то с минуту обдумывала это все в голове.

Но то, что она ответила, поразило Джоффри еще сильнее:

— Я... Я рада, что он умер, — наконец произнесла девочка тихим голосом.

— ...Я также рад, Мирцелла... я тоже, — ответил он, глупо кивая головой.

Юноша поднялся, прицепил последний ремень доспеха, слегка поклонился сестре и быстро двинулся обратно в лагерь, не имея сил терпеть тишину. Там уже все собирались, и он заметил септу Мирцеллы, что заглядывала за ящики и смотрела между каретами с весьма обеспокоенным выражением лица.

Он подумал, что понимает эту бедную женщину, ведь Мирцелла всегда была самой послушной между ними тремя.

И наверное наиболее пронизательной тоже... а может это из-за юного возраста, она пришла к выводу, недоступному взрослым... Интересно, что она сделает с моим неожиданным признанием... а ещё интересно, для чего я вывалил всю эту кучу ужасов на десятилетнюю девочку...

Он чувствовал маленькое облегчение морального состояния после того хаотического, краткого описания своих жизней, впервые со времени, когда увидел Пурпур после первой смерти, просто немного облегчивший свой груз, несмотря на случайные предчувствия и отдельные прохладные порывы ветра, доходившие до Королевского тракта с Севера...

И теперь время снова двигаться по Королевскому тракту... до Винтерфелла, а потом снова до Королевской Гавани...

А потом что?

Смерть, Лед, Отчаяние.

Джоффри ещё раз покачал головой, позволяя солнечному сиянию прогнать эти мысли из головы, и медленно пошёл к палатке. Там он встретил Сандора, что уже собирался бежать искать принца, и двух слуг, что как раз грузили его пожитки на телегу.

Он кивнул Клигану, подходя, взял один из своих сундуков и забросил его на телегу. Когда юноша обернулся за следующим, то застыл на месте от взглядов слуг, словно те и поверить не могли в такое зрелище.

— Ой, прекратите! Я же не какой-то проклятый калека! — он почти закричал... но от этого лишь сильнее заволновались слуги.

— Вот тебе и на, — пробурчал он.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/1978395>